

Редакционная коллегия:

В. М. Орел (главный редактор)

Д. А. Александров (редактор отдела рецензий)	Н. И. Кузнецова (зам. главного редактора)
В. В. Бабков (отдел истории биологии)	Л. А. Маркова (отдел общих проблем)
А. Г. Барабашев (отдел философии и методологии науки)	И. И. Мочалов (отдел истории наук о Земле)
Вл. П. Визгин (отдел истории физики, механики и астрономии)	Н. Н. Семенова (и. о. ответственного секретаря)
В. Л. Гвоздецкий (отдел истории техники)	А. М. Смолеговский (отдел истории химии)
С. С. Демидов (отдел истории математики)	Д. А. Соболев (отдел истории авиации и космонавтики)
С. С. Илизаров (отдел архивных публикаций)	А. Ю. Стручков (редактор международного отдела)
Л. М. Кожина (отдел научно-технических музеев)	А. В. Юревич (отдел социологии и социальной психологии науки)

Международный редакционный совет:

Марк Адамс, США	Юрий Наточин, Россия
Кит Бенсон, США	Мариано Ормигон, Испания
Гурген Григорян, Россия	Доминик Пестр, Франция
Лорен Грэхем, США	Ганс-Йорг Райнбергер, ФРГ
Кеннет Кноспел, США	Нильс Ролл-Хансен, Норвегия
Борис Козлов, Россия	Эдвард Свидерски, Швейцария
Эдуард Колчинский, Россия	Вячеслав Степин, Россия
Джон Криге, Франция	Дуглас Уинер, США

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

Редакторы — Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна,
Будрейко Екатерина Николаевна (информационный раздел)
Компьютерный набор — Прибыльский Сергей Александрович
Оригинал-макет — Алексеев Константин Игоревич

Адрес редакции: 103012, Москва, Старопанский пер., 1/5
тел: (095) 928-1190 факс: (095) 925-9911 E-mail: viet@history.ihst.ru
Заведующая редакцией — Дроздова Людмила Николаевна

Технический редактор — Пахомова Вера Михайловна

Подписано к печати 19.08.99. Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл. печатн. л. 16,9 Усл. кр.-отт. 16,0 тыс. Уч.-изд. л. 21,4 Бум. л. 6,5
Тираж 934 экз. Заказ 2851

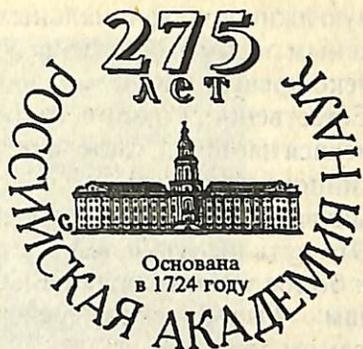

Отпечатано в типографии «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

© Российская академия наук,
Институт истории естествознания и техники, 1999 г.

При перепечатке, переводе на иностранные языки,
а также при ином использовании оригинальных материалов журнала
ссылка на ВИЕТ обязательна.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

СЛОВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ БОЛЬШОЙ ЛОМОНОСОВСКОЙ МЕДАЛИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК*

Высокоуважаемый Президент Академии!
Высокоуважаемые члены Академии наук!

Я глубоко тронут и более чем польщен такой высокой наградой от Российской академии наук — с никогда не меркнущим для нас именем Ломоносова.

Еще гораздо более того я смущен, что эта награда настигает меня, новичка здесь, при столь блистательном корпусе заслуженных ученых, достойных ее ранее и более меня.

Я вырос в сознании, что писатель не смеет отдаться полностью своим художественным прихотям. Что рано или поздно он должен послужить своему народному сообществу, своему Отечеству.

Рано или поздно. А после выжигающих, истребительных наших десятилетий — даже чем раньше, тем лучше. Десятилетиями в нашей стране выборочно уничтожался высший интеллектуально-духовный слой, особенно в гуманитарной и общественной области, уничтожались потенциально самые активные люди, способные к разумной деятельности. И, думал я, у кого есть силы — должны заменить истребленных, даже выходя за контуры своей профессиональной деятельности и своего жизненного плана. По этому, но и по общественной страсти, я, едва начав публичный литературный путь, вынужден был много сил переложить на борьбу за общественную справедливость, в противостояние жестокому политическому режиму.

Но даже и более того я сознавал свой долг — и испытывал страсть — раскопать и осветить завалы нашей недавней истории, мучительно переживал

* 2 июня 1999 г. на Общем собрании Российской академии наук ее президент Юрий Осипов вручил лауреату Нобелевской премии по литературе, действительному члену РАН Александру Исаевичу Солженицыну Большую золотую медаль имени М. В. Ломоносова 1998 года — «за выдающийся вклад в развитие русской литературы, русского языка и российской истории». Согласно традиции, после вручения награды лауреат выступил с научным докладом.

Текст выступления печатается с любезного разрешения Александра Исаевича.

явную лживость официальных версий. Так, со своих 18 лет и далее чем за 70, главным делом своей жизни я видел: написать литературную историю Российской революции Семнадцатого года.

Естественно, я начинал работу еще безо всякой явной концепции. Долго двигался наощупь, также и по ошибочным путям. Я приходил к осознанию истинного движения тех событий — в ходе самой работы над материалом, хлынувшим на меня морем фактов.

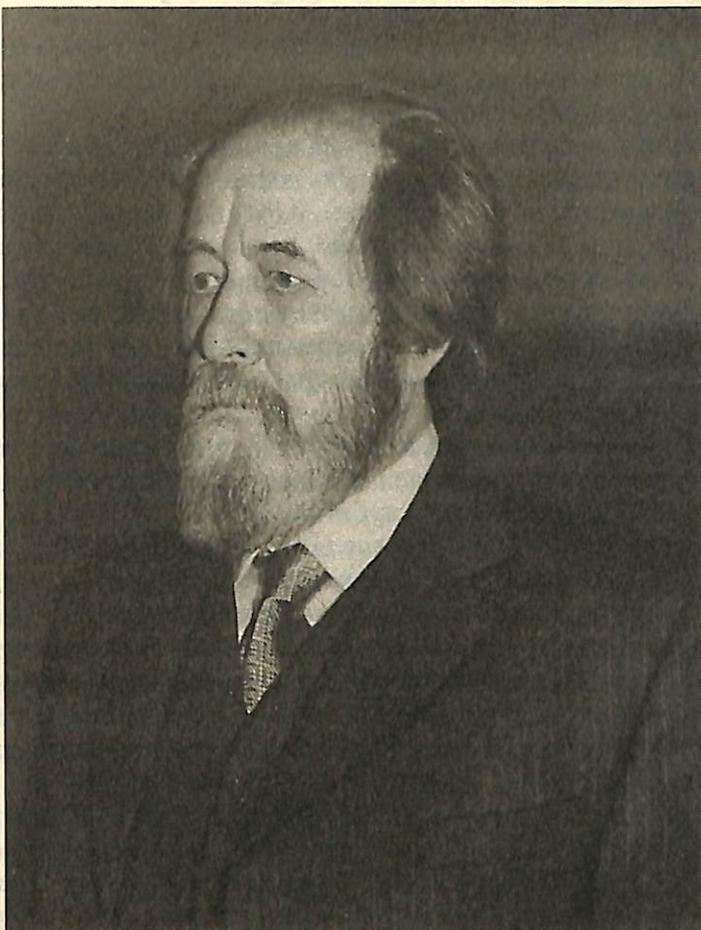
Это путь нелегкий. И посегодняя множество наших соотечественников, а тем более западных людей, считают исходным толчком к российским бедам — Октябрьский переворот, а не Февральскую революцию, как было на самом деле.

Наблюдателя-потомка сердечно поражает то нетерпящее бескрайнее раздражение, та озлобленная непримиримость, которые разгорелись в образованном и многопартийном обществе по отношению ко многовековой российской исторической власти, с близорукой решимостью смести ее прочь — даже во время великой войны и при полном безучастии народного большинства. И в Феврале Семнадцатого эта пружина разжалась и ударила — дальше представаясь сплетением кратких мелких случайностей — ударила, сотрясением в несколько дней заменив желанный, возможный и уже тогда равномерно осуществлявшийся спокойный эволюционный путь.

Касаясь исторического материала, художественная работа еще более усиливает личную ответственность писателя — до ответственности уже строго научной: эти глыбы событий не только не могут быть использованы как опорные площадки для авторских фантазий, но требуют археологической почтительности при раскапывании, при рассматривании их вплотную.

Такая колоссальная раскопачная работа, никак бы не достижимая мне в советских условиях, широко распахнулась после высылки на Запад. Там стали мне доступны и богатые русские архивы Соединенных Штатов, и вся печатность дореволюционная и русской эмиграции. Если при работе над «Архипелагом ГУЛагом» я обладал лишь малым числом документов и вынужден был опереться главным образом на свой жизненный опыт и живые свидетельства очевидцев — то теперь эти свидетельства еще не умерших современников революции, тоже нескольких сотен, были лишь ярким, телесным дополнением к документальным материалам.

А по мере того как я вступал в смятенный вихрь событий, в котором Россия пала за 8 месяцев, — я проникался все большей тревогой, что — и по повторности взглядов нашего образованного общества, не обогатившихся от колеи начала века, и по сущностным свойствам нашего народа, покорно приемлющего любую возню на государственном вершине, — этот вихрь может снова повториться в России, в какой-то другой вариантной форме достигнуть ее на ожидаемом выходе — теперь уже из коммунизма. Конечно, формы проявления событий будут совсем другие, но неизбежно повторится тот же инвариант: резкий перепад давления, ничем не контролируемый переход от стянутости обручами к полнейшей и сразу безответственной свободе, — и он быстро поведет к разрушительным событиям, хотя и

А. И. Солженицын. 2 июня 1999 г., Общее собрание РАН. Фото В. А. Пашкевича

проявятся они совсем при другой житейской и экономической обстановке, в других социальных слоях, при других конкретных условиях.

И в конце 70-х годов, еще далеко до окончания «Красного Колеса», по ограниченным возможностям русскоязычной передачи Би-би-си, я пытался донести эти предупреждения до соотечественников. Однако та одиночная попытка, конечно, не могла повлиять на близкий уже ход событий, начавшийся с середины 80-х.

Начавшийся — и сразу же по самому неразумному пути, упустя все целесообразные. А с начала 90-х годов Россию швырнули рывком в опрометчивое, безоглядное, еще по-новому и по-новому разрушительное сползание.

Когда «Красное Колесо» стали публиковать на родине в середине 90-х, ограниченным тиражом, — тем более поздно было донести до кого-то наш бесплодно потерянный исторический опыт. Реальное новое Колесо, только цвета Желтого, уже пожирало Россию.

Нынешнее падение России длится не месяцы, нет, вот уже второе десятилетие — так тем опаснее и долговременней могут быть материальные, демографические и нравственные последствия. Тем трудней — найти и осуществить созидательный выход из этого хаоса, безвозбранно усугубляемого высокопоставленным грабительством.

А многие те уроки Семнадцатого года крайне бы нужны российским деятелям наступивших сейчас критических годов — да упущены ими нацело.

Другим моим многолетним занятием, плотно прилегающим к писательской работе, но отдельным от нее, было: как бы лексическое перещупывание всего русского языка — по словообразованиям, по морфемам.

Процесс эволюции всякого языка течет постоянно: что-то постепенно теряется, что-то приобретает. Но крупная социальная революция — приводит в ненормальное, болезненное сотрясение также и весь язык, в опасных пределах.

Так и русский язык от потрясений XX века — болезненно покорежился, испытал коррозию, быстро оскудел, сузился потерей своих неповторимых красок и соков, своей гибкости и глубины.

А с разложения языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это — и символичное, и духовно опаснейшее повреждение.

Лексическое обеднение русского языка сейчас таково, что слова, естественно составленные из известных корней, приставок, суффиксов, — вдруг вызывают полное недоумение как некое экстравагантное словотворчество. И все более теряются энергичные краткие отглагольные существительные, особенно мужского рода, язык слабеет в вялых отглагольных среднего рода, а то еще и с суффиксами иноязычной природы.

По мере сил я противился этому оскудительному процессу в моей литературной работе. И, отдельно от нее, еще треть века занимался составлением «Русского словаря языкового расширения» (до 40 тысяч слов); он опубликован на родине с моим возвратом. В этом словаре я старался выявить и продемонстрировать на десятках тысяч примеров еще спасаемые несравненные яркость, свободу и сцепчивую подвижность нашего языка в различных грамматических сочетаниях.

Другая нынешняя порча языка — в том, что он замусоривается множеством англоязычных слов, большей частью безнадобных, дубликатных, вместо пренебрегаемых русских. Правда, в этом последнем пункте нельзя считать надежду потерянной: например, в послепетровскую, в елизаветинскую пору письменный язык был затоплен обилием немецко-голландских, также безнадобных, заимствований — а со временем они схлынули как пена. Но тогда был здоров, невредим сам стержень нашего живого языка — не как сегодня.

Ставят в пример Францию: там введен закон о сохранении языка. И нам бы так? Но в нашей ли, кругом разоренной, жизни? Тот закон — и в размеренной французской соблюдается слабо, принят инертно, — лишнее свидетельство упадка и всей мировой культуры.

Небессомненным представляется и утвердившийся у нас стандарт грам-

матических правил. Я печатал предложения по некоторой частичной коррекции их.

Академическую среду ранее другого обоснованно заботят верхние слои образовательной пирамиды — спасение высшей школы в разоряемой стране. Именно успехи высшей школы становятся сегодня ключом к устоянию или неустоянию всей России как влиятельного государства. И не только в численности добротного образованных людей, и не только в высоте частно-прикладных знаний, но и в обширности общего кругозора их мировоззрения: лишь в такой среде могут вырастать фундаментальные идеи науки.

Чем выше по шкале и чем тоньше по структуре образование — тем губительнее отзывается на нем нынешнее едва-едва управляемое состояние страны. Еще никогда за три века своего существования на Руси наука не была покинута в таком пренебрежении и даже нищете.

Бес оголтелой коммерции внедрен как верховная идеология. К тому же: в ходе так называемых реформ 1992–1994 гг. системой путаных указов, неясных законов, недомолвок и частных благоволений — в России создана юридическая обстановка полного беззакония, так что крупному расхитителю нельзя предъявить даже четкого обвинения: «закон» дает ему невзысканный простор. В такой дикости — бескорыстной науке делать нечего.

В атмосфере, когда воровство проросло всю государственную систему, имеющих власть и откормленных ими финансовых магнатов, когда оно в своих размерах превышает государственный бюджет, эта гнусная дыхательная среда нисходит от вершин и ниже, как бы рекомендована и высшей школе. Ректоров высших учебных заведений обстоятельства принуждают к коммерческим же изворотам. Коммерциальность высшего образования толкает к коррумпированию и его. Очень по-разному — кто недостойно, а кто весьма достойно — справляются с нею администраторы науки. Время нынешнее не отмечает, не венчает достойных. Однако каждый делающий знает сам, перед совестью, полноту и чистоту совершенного.

Одно из судорожных усилий — введение платности высшего образования и даже отдельных его элементов. В нашей действительности такая система выявляет себя как показная для студентов имущих и преградная для неимущих. Образование несет уроны с обоих концов: одни теряют к учению — импульс, другие, талантливые, — возможность. — А ведь не менее ищущих, устремленных студентов — в их образовании заинтересовано разумное государство.

Ветшает научно-техническое и лабораторное оборудование вузов, а на новое нет средств. Стареет профессорский состав, не находя себе свежей замены и опоры в среднем учебном персонале — при нынешних плачевных финансовых условиях. А научные работники, не имеющие преподавания, бедствуют и горше.

И можно только поклониться стойкости всех их — не покидающих своих научных постов, не уезжающих за границу, даже кто и обсыпан такими приглашениями: они мужественно сохраняют еще не рухнувший интеллект России, не обедняя его своим отъездом; на плечах своих несут все растущую

нагрузку, читают лекции в стесненных аудиториях, лекции, обрубленные по длине учебного часа. Однако ж и никак не падающие вступительные конкурсы, настойчивая тяга студентов к знаниям через голод, холод и нужду, — поддерживают и профессоров в их жизненном и научном подвиге.

Да ведь и для уехавших ученых — отнюдь не для всех то исполнение золотой мечты. Для кого — и горькое томление без родной научной среды, в какой выросли, жили и товарищески обсуждали научные идеи еще в ходе разработки их.

Многие вузы прямо интегрированы в академическую систему. Но на Академии наук лежит и высшее послевузовское образование — тысячи аспирантов и тысячная докторантура — Академия! В мутном вихре невежественно мальчишеских или откровенно грабительских лжереформ начала 90-х — уже намеченная, едва ли не обреченная к роспуску; в те же годы надменно теснимая самоявленными «аналитическими центрами», «консультативными ассоциациями», «институтами переходных проблем», рвущимися показать правительству и обществу несомненно верную дорогу страны; затем охлестанная рекламными вспышками поспешливой лженауки; еще и урезанная в финансировании от 1990 года — в 10–8 раз, — Российская академия наук, можно думать, уже перестояла самый худший период. И надо восхититься мужеством российских ученых — в этой сумбурной круговерти, в эти годы смрадной общественной атмосферы выстоявших вопреки всем материальным бедствиям и унижениям. Не только по сумме и по пикам блестящих научных результатов, удивительным образом не гаснувших в нашей загубляемой стране, — но прочным поддержанием самого духа Высокой Науки.

Так Российская академия наук — через многие царствования, преобразования, революции, войны, смены политических систем, попытки разгона в раннесоветское время, наскоки властных невежд, волны арестов, тюремных гибелей — стойко прошла уже 275 лет, служба России. Но если, в самом начале того пути, Петр Первый задумал и создал Академию как мозговой центр России на долгое будущее, — сегодняшний политический режим, в годы сложнейших, упускаемых государственных задач, самоуверенно не прибегает к широкому спектру научных экспертиз Академии по труднейшим проблемам. Те решаются беглыми кабинетными совещаниями череды быстропеременчивых и потому безответственных лиц.

Уже несколько лет назад мне довелось горько выслушивать и в Дальневосточном, и Сибирском отделениях Академии жалобы на то, как устраняются властями наши ученые от решения важнейших вопросов.

А кому доступно — зорче провидеть наидальние перспективы, если не Академии наук.

Но, говоря о высшей науке, не можем мы забыть, что будущее ее и в том, насколько с годами успешно встроится в нее таланты нынешней юности. Высшее образование утверждается и на фундаменте образования среднего. Не могу коротко не отвлечь уважаемую аудиторию и к этой больной теме.

Все слабеющее, хрупкое прозябание наших школ — самих зданий, и школьных пособий, и всеизвестная бедность учителей, заброшенных государством, обрыв их культурных возможностей — вот уже и десять лет, полный школьный срок, толкают народное просвещение превратиться в массовое воспроизводство невежества. Добавим сюда — нет, вычтем отсюда — запредельную тощесть нынешних провинциальных, мелких и сельских, библиотек, многими годами не пополняемых ничем плодотворным, — как будто не бывало позади никакой предшествующей русской культуры. Какова же база для развития молодежи?

При такой подорванности среднего образования — долго ли удержатся вершины науки?

Особо отмечу: суетливые реформаторы нашей средней школы уже не раз предлагали сократить учебные часы по русскому языку или даже вовсе убрать его из расписания, например слить с часами русской литературы (также сокращаемыми). Вытеснить русский язык! — когда он и без наших усилий изживается в отделившихся республиках, для миллионов отмежеванных русских детей; да насильственно сжимается и в школах автономий. Сдавливает израненный русский язык и петлей географической, и петлей образовательной — значит тянуть его к вырождению, а то и полному исчезновению.

Удивительно, но сокращаются и математические предметы, программы по ним уменьшаются или грубо упрощаются подражательным приемом скороспешных и сомнительных новаций, отклоняясь от высоких традиций российской математической школы. Этим не только расшатываются пути во многие технические науки, но снижается и общая математическая подготовленность нашего общества, падает его элементарная логическая грамотность, что подрывает в людях даже и навыки четкого мышления.

В не меньшей опасности в средних школах сегодня находится и преподавание отечественной истории. Полная смена государственной и общественной обстановки в России естественно потребовала радикального обновления учебников по истории. С этой задачей справились только редкие авторы и лишь частично. В объеме одной и той же обложки находим дичайшую перемесь восстановленных реальных фактов (далеко не всех) — и легковесных оценок, неосновательных трактовок. А, словами программ, «гуманитарные ценности европейской цивилизации» — вставлены в формах весьма радикальных и однобоких.

Временные «переходные» учебники при суматохе вариантных программ — только еще больше раздергивают учеников. А денежно обеспеченные иностранные источники — фонды или секты — с готовностью берутся освещать, толковать нам русскую историю, быстро изготавливают свои учебники или шукарские учебные пособия, — и министерство образования с захватной поспешностью визирует такие для школ, не пропустив через взвешенную научную экспертизу. В некоторых же учебниках и программах — из отечественной истории изымаются нынешние страны СНГ, как если бы их вовсе не было в истории России. Появляются и региональ-

ные учебники, знаменуя дальнейший разрыв единого учебного пространства России.

Среди промелькнувших недавно проектов школьной реформы не случайно были и такие, цель которых сводилась всего лишь: как облегчить государству содержание школ — через приватизацию? или так называемые образовательные ваучеры? платность среднего образования? Все новые миллионы подростков вообще не кончают школьного курса, лишаются общего среднего образования, часть их аврально вытягивается через профтехучилища.

Тем сложнее эта активно обсуждаемая школьная реформа, что должна совершиться при растерянном, разбродном, культурно разорванном в клочья состоянии России, уже прямо угрожающим распадом страны. При всем этом — как сохранить, не дать разъять единство образовательной системы? И не растерять достоинств незаурядной русской педагогики — и сообразовать обучение с современными требованиями интенсивности, с современной технической действительностью.

Однако при всей важности образования юношества — еще острее и отчаянней высится задача его воспитания. При провале воспитания даже самая удачливая образованность — может создать лишь бесчеловечное общество. Даже нахватавшись авангарднейшего образования, но с порченными душами, нам не выбраться из ямы.

А ныне воспитание учащихся напряжено и усложнено тем, что все общество прошло через психологическое сотрясение, слом нравственных ориентиров, традиционного уклада представлений, — и само общество служит для юношества, и даже для детства, наихудшим образцом. — С каким лицом воспитателю толковать малышам о добре и честности, когда уже и детские глаза видят, хоть не так охватно, как взрослые: что ни справедливости, ни защиты и никаких себе прав не жди; что народное достоинство бесстыдно разворовывается и именно эти разворовщики торжествуют; что ученье — не свет, а горькая нужда, готовь себя лучше в воры.

Обвальная нищета десятков миллионов семей лишает изнеможенных родителей и сил, и времени для достойного воспитания своих детей — и ответственность школы в том возрастает сверх нормальной пропорции. Тысячи детей уходят из семей, от других тысяч отказываются родители, буйно растет детская преступность, а отмечено статистикой и немалое число детских самоубийств.

Обледелено тремя слоями сердце — от того, что делается ныне с нашим юношеством и средней школой.

Здоровая же часть молодежи, которая не приняла распущенности, пытается противостоять ей, — получает в том слабую помощь, и не всегда. — А тающая сельская молодежь? — она и вовсе отстранена от культуры, от надежных путей развития.

И на такой народной базе — расти, расти, Большая Наука!

В условиях уникального в человеческой истории пиратского государства под демократическим флагом, когда заботы власти — лишь о

самой власти, а не о стране и населяющем ее народе; когда национальное богатство ушло на обогащение правящей олигархии из неперечислимых кадров властей верховной, законодательной, исполнительной и судебной, — в этих условиях трудно взяться за утешительный прогноз для России. Но во всяком случае решение следует искать глубже уровней экономического, политического и даже социального.

Народное наше несчастье, что мы, в массе, легко поддаемся залетным обещательным лозунгам: то нас спасет светлый коммунизм, то нас спасет светлый капитализм, — и каждый раз попадаемся в капкан и предорого платим за нашу доверчивость.

Всякая подражательность — порочна. Прослеживая исторический опыт основных стран Запада и долгоустойчивых стран Востока, мы убеждаемся, что каждая из них вырабатывала свой самобытный путь и проделывала его собранностью внутренних сил, не копировала соседей. А ведь интеллектуальные ресурсы нашего народа — изобильны, они сравнимы с природным несметным многообилием нашей земли. И мы — ищем подражания?

Мы нуждаемся — снова высветить наш внутренний мир, восстановить обрушенную систему наших духовных ценностей, над которыми сегодня бездумчиво глумятся эфирно-газетные средства. Мы нуждаемся в зрении на большую даль вперед.

Никакая изобретательность технологического предпринимательства не заменит нам длительного дара уже накопленной культуры. Культура же несет в себе и упругое сопротивление всем видам обесчеловечения: от снижения наших нравственных мерок, от погружения в суетливое потребление — и до превращения людей в техногенные существа.

К счастью, многим нашим молодым людям свойственен талантливый порыв к новым уровням качества. Российская наука в сочетании с нашей традиционно богатой культурой представляют собой не только страну Россию, но одно из виднейших русл мировой умственно духовной жизни. Я тут не употребил слова «цивилизация» из-за двойственности его: внешняя ли это предметность достижений или многосотлетняя органическая традиция. — Говоря во втором смысле: Россия и сегодня являет собой одну из крупных мировых цивилизаций. И несет в себе свои собственные спасительные задатки. Потенциальные возможности России значительно превосходят ее нынешние материальные и геополитические обстоятельства.

Удалось бы только срastить в живую ткань здоровые творческие силы.